

Дело о звере гишу

Григорий
Панченко

У кого-то из фантастов — то ли у Ефремова, то ли у Беляева — описан чудовищный зверь — гишу, пожиратель древних слонов, доживший до эпохи человека. Человек не умел спастись от него, потому что не понимал его повадок, а не понимал потому, что повадки эти возникли в те времена, когда человека еще не было и быть не могло. И человек мог спастись от гишу только одним способом: объединиться с себе подобными и убить...

А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба

Мезонихиды были всеядными существами (как полагают, «более плотоядными, чем кабан, но менее плотоядными, чем медведь»); они часто достигали размеров гиены, а эндрюсарх из палеоцена Монголии был крупнейшим наземным хищным млекопитающим — его череп достигает в длину 85 см... Именно это существо было описано И.А. Ефремовым в романе «Великая дуга» под названием «гишу — ужас ночей, пожиратель слонов».

К. Еськов. История земли и жизни на ней

После возвращения из Москвы было, конечно, устроено семейное чтение, и мой сын засомневался: не выдуман ли зверь гишу, который в повести «На краю Ойкумены» настигает беглецов ночью в саванне, стуча страшными когтями по твердой земле?

Послали Ефремову письмо.

«Гишу — это вымерший теперь вид гигантской гиены, изображения которой еще встречались на фресках в Египте эпохи Древнего царства — примерно 4500 лет назад, — ответил Ефремов. — Как выясняется теперь, гиены — вовсе не трусливые хищники, как их обычно изображали раньше. Это грозные и активные звери, перед которыми отступают даже львы. А уж перед гишу должны были трястись слоны!»

В. Савельзон.
«Уральский следопыт», 1977, 4

Итак, гишу. Несмотря на давность своего литературного рождения (1948 год!), он остается одним из знаковых монстров. Правда, современные авторы и иллюстраторы, кажется, обычно выбирают «не того» зверя: часто — крупного креодонта вроде мегистотерия. Мегистотерия как такового Ефремов еще не знал, этот супермонстр был открыт уже после его смерти, но крупные креодонты в пору Ивана Антоновича были отлично известны, более того — числились близкими родичами эндрюсарха (сейчас уже нет). Впрочем, вопрос о прототипе гишу вообще до крайности спорный...

Позвольте, почему же спорный? Ведь мы имеем недвусмысленный ответ самого Ефремова, четко расставляющий точки над *i*: гигантская гиена, никакой не эндрюсарх и не креодонт! Но вот — нет: не имеем мы такого ответа. Почему — см. ниже; а пока давайте порассуждаем так, словно этот ответ все-таки есть.

Если говорить о «гигантских гиенах» в широком смысле слова, то наилучший кандидат для гишу — динокрокута. Не такой уж древний монстр, к нашему

времени она чуть ли не на 30 млн лет ближе, чем эндрюсарх. Внешность и габариты примерно соответствуют тем варгам, которые в киноэпопее Питера

Во всех прижизненных изданиях Ефремова иллюстрация с изображением гишу появилась лишь единожды — и неизвестно, была ли она согласована с писателем. Зверь тут напоминает хищника, происходящего словно бы от огромного лемура

РАССЛЕДОВАНИЕ

Саркастодон и эндриусарх (справа) над добычей. Похоже, эндриусарх в роли клептопаразита сейчас докажет свое преимущество над «первичным добытчиком»! Здесь и далее — реконструкции Романа Евсеева

Джексона «Властелин колец» представлены как подседельные животные орков (у Толкина-то были просто волки, немногим крупнее обычных). Образ жизни у динокркут был вполне гиений: нормальный падальщик, временами, несомненно, активный хищник и, столь же несомненно, клептопаразит, то есть «отниматель добычи». Место жительства, правда, не африканское: скорее ближе к тем краям, где проходили монгольские экспедиции Ефремова! Но 5—6 млн лет — вполне достаточный срок для переезда.

Мозг динокркуты довольно примитивен, что никак не снижает боевые возможности, но затрудняет коллективное бытие; вот и гишу — одиночный хищник. Вряд ли динокркуте по силам бить притупленными когтями передних лап слонов и носорогов... но ведь гишу — это, может быть, не совсем она, а ее спе-

циализировавшийся правнук, который, живя в ладу со временем и эволюцией, за оставшиеся миллионы лет серьезно доработал прабабушкино наследство. Правда, в этом случае отпадает один из главных козырей гишу: «человек не умел спастись от него, потому что не понимал его повадок, а не понимал потому, что повадки эти возникли в те времена, когда человека еще не было и быть не могло», зато в остальном более похоже. Ладно, покамест вынесем этот довод за скобки. Или нет? Ведь автор особо подчеркивал нарочитую «пережиточность» гишу, его древность, чуждость всему! Помните:

«Зверь был молчалив, как сама ночь, — за все время погони он не издал ни единого звука, и это необычайное для хищника степей свойство больше всего пугало друзей... В движениях животного, в его зловещем молчании, в упорном прямом взгляде больших глаз под выпуклым лбом было что-то отличавшее его от всех известных друзьям зверей. Люди инстинктивно поняли, что животное,

встретившееся им, — пережиток иного, древнего мира, с другими законами жизни».

Одиночный хищник, идя по следу, и не должен подавать голос — а вот все остальное серьезно. Не вступить бы нам в конфликт с авторским замыслом!

Так или иначе, если правнук оставался с прабабушкой в одной весовой категории, то это классический «ordinary size monster». Сразить его ударом копыта куда возможней, чем тех жутких монстродонтов, которые могли наследовать эндриусарху или, паче того, мегистотерию. Они, пожалуй, в первый же миг смели бы ефремовский интернационал просто за счет натиска!

Продолжим перебор гиеновых вариантов. С еще большей вероятностью, чем динокркута, в Африке могла остаться сравнительно недавняя пахикркута: это уже настоящая гиена, не «двоюродный родич», но тоже в какой-то мере гигант, рост ее — с небольшого или даже среднего льва. Или

плиокрокута: размером не больше крупной львицы, зато местами дожившая до древнеегипетских времен!

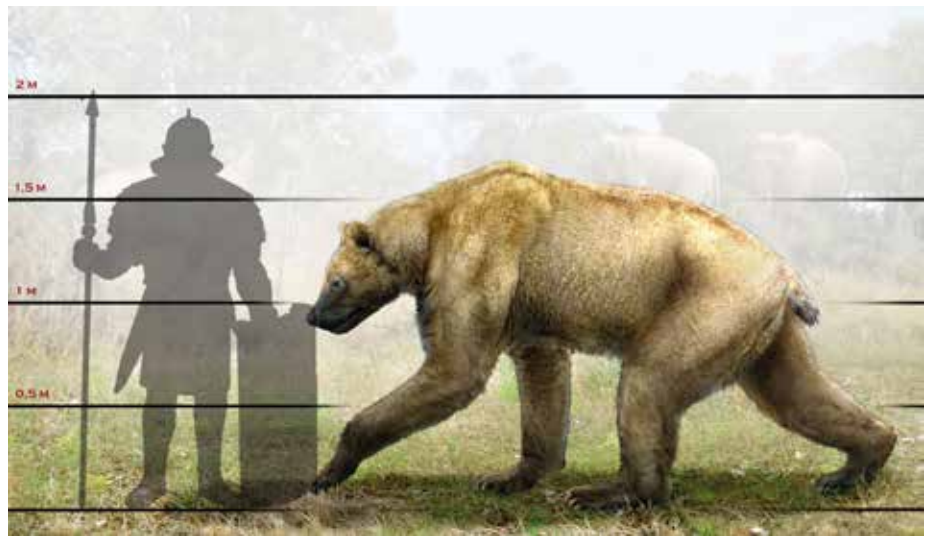
Но им точно не по чину атаковать «в лоб» троих могучих воинов, вооруженных широколезвийными копьями как раз на крупного зверя. То есть не по чину проделывать это в одиночку. Да и зачем: ведь все они (пожалуй, кроме старушки дино) стайные хищники!

То-то и оно. Нет, это не про гишу.

Если уж дойти в поисках палеонтологических прототипов до абсурда, то существовали и более крупные «гиены», весом свыше полутонны, но совсем уж в кавычках. Потому что сумчатые: боргиены. Обитали они в Южной Америке с ее до бредовости причудливой, изолятной, примитивной фауной. Крупнейшим боргиенидам там не было нужды становиться чем-то большим, чем падальщик или клептопаразит без стадии активного хищничества: могучее, но медленно-тяжеловесное существо с барсучьей грацией. Однако это невозможно для Ефремова: он ведь действующий ученый, а на такую «переброску» может решиться разве что вольный литератор вроде Жюль Верна, мужественно заселивший свой «Таинственный остров» орангутанами, капибарами, онаграми и дюгонями.

А о каких древнеегипетских изображениях Ефремов (точнее, все-таки один из его персонажей!) говорит в прологе «Ойкумены»? Они действительно известны, но тут Иван Антонович ошибся: в Египте гиен приручали (как ни странно, скорее с гастрономическими, чем со служебными целями!), и на этих фресках животные запечатлены «в одном кадре» с ухаживающими за ними мальчишками-слугами! Детское телосложение египтяне не передавали, так что мальчишки эти выглядят «маленькими взрослыми». Будь на их месте настоящий взрослый мужчина — никто бы ни на миг не усомнился, что рядом с ним обычная пятнистая гиена. А так создатель «Ойкумены», видимо, счел, что древние художники стилизовали неизвестного зверя, «подогнав» его облик к привычному им гиенному силуэту. Тут еще важно помнить, что эндриусарх в эпоху Ефремова считался почти креодонтом, креодонтов же тогдашние реконструкции изображали несколько более гиенообразными, чем следовало бы.

Но как все-таки быть с тем указанием на переписку с Ефремовым, где говорится не о гиеновидном монстре, а о гиене-великане? Да никак не быть. Без текста письма (а его нет: ничего, кроме этой «цитаты»), за все миновавшие годы так и не было предьявлено) поневоле приходится считать, что автор... ну, до-

пустим, не выдумал этот ефремовский ответ, но сконструировал его, опираясь на пролог «Ойкумены». Скажем даже мягче: может быть, какая-то переписка в самом деле имела место, но не сохранилась, так что через десятилетия ее пришлось воссоздавать по памяти. А память в таких случаях инструмент не самый надежный. Особенно когда на нее накладываются строки из пролога — и те данные об активном хищничестве гиен, которые были на слуху как раз в годы публикации «Уральского следопыта». Знаменитая книга «Невинные убийцы» Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл стала бестселлером именно тогда. При Ефремове же эта информация еще не была в употреблении, он о гиенах пишет как о падальщиках...

Следующая кандидатура — агриотерий: африканский (не только, но в том числе) медведь. Очень древний, хотя и не сравнительно с эндриусархом. Очень крупный: матерый самец, возможно, около тонны весом, хотя телосложением похож на распиаренного Би-би-си арктодуса, то есть поджар, долговяз без малейших признаков косолопастости и... да, что-то гиенообразное в его силуэте было. Очень хищный, хотя, надо думать, не без клептопаразитизма (без него обходятся только самые маленькие и слабые охотники); по-видимому, самый мощный укус среди всех хищников вообще — впрочем, это мы говорим о хищниках в узком смысле слова, отряде Carnivora, креодонтов эти подсчеты не касаются, они из «параллельного мира». Относительно короткомордый — что тоже, наверно, роднит его с гишью, раз уж того сравнивают с гиеной... а вот эндриусарх этой особенностью похвастаться не может и даже его далекие потомки вряд ли смогут.

Вдобавок — обитатель открытых пространств и редколесий. Эпизод с гишью имел место в похожем ландшафте: холмистая саванна близ кромки джунглей.

Агриотерий. Силуэт воина дан исключительно для масштаба: в реальности время этих сверххищных медведей завершилось задолго до появления человека

Правда, когти у агриотерия были не притупленные, а рвущие, острые: не «давить», но «драть». Однако это у него. А у его потомков, имевших возможность проэволюционировать?

(В число этих потомков, возможно, входит загадочный зверь керит, он же чимисет, по некоторым сведениям, до сих пор обитающий в африканских джунглях, то есть в общем-то не вполне там, где ефремовские герои повстречались с гишью. В принципе керит может вести свою родословную и от кого-то вовсе постороннего, хотя бы от той же динокрокуты... хотя вряд ли: лапы и когти у него, судя по описаниям, оформлены скорее в «терзающем», медвежьем стиле, значит, опять-таки не гишью. К тому же невозможно выяснить, слышал ли о нем Ефремов хоть что-нибудь. В конце жизни, скорее всего, слышал, тогда уже и в СССР появились публикации, а вот до 1948 года — непохоже.)

Так что же, принимаем агриотерия в команду? Не факт:

«Друзья никогда не видели такого зверя. Массивные передние лапы его были длиннее задних, передняя половина туловища сильно возвышалась над крестцом, спина была поката. На толстой шее прямо сидела тяжелая голова с массивными челюстями и крутым выпуклым лбом. Короткая светлая шерсть была испещрена темными пятнами. На загривке и на затылке дыбом торчали длинные жесткие волосы. Зверь отдаленно походил на пятнистую гиену, но невиданных, чудовищных размеров: голова его приходилась на высоте пяти локтей от земли. Широкая грудь, плечи и загривок подавляли своей массивностью, буграми выпячивались могучие мускулы, а громадные кривые когти зловеще стучали, нагоняя страх. Зверь двигался странными, неровны-

ми движениями, виляя низким задом и кланяясь тяжелой головой. Морда была опущена вниз так, что нижняя челюсть почти прижималась к горлу... Зверь внезапно сделал поворот; большие, направленные прямо на путников глаза животного зажглись мерцающим пламенем. Зверь описал небольшую дугу вправо от стоявших людей, потом опять повернулся к ним мордой и остановился. Закругленные уши торчали косо вверх по бокам головы».

Какое-то слишком не медвежье описание. Самое главное, что у эллина и этруска никаких знакомых ассоциаций не возникло (их чернокожий товарищ с медведями не знаком). Ведь старина агри — пускай очень своеобразный, но вполне медведь! И потомки его медведями будут...

На кого еще похоже? Чисто по силуэту — на халикотерия. Эти странные, словно неумелым фантастом придуманные существа питались исключительно растительностью, но были при этом гордыми обладателями громадных притупленных когтей а-ля гишу. Просуществовали они, при всей своей примитивности, удивительно долгий отрезок времени: вышли на арену борьбы за жизнь куда раньше эндрюсарха, а покинули ее гораздо позже, чем динокрокута... поневоле задумаешься, много ли стоит прогресс.

В ефремовскую пору халикотериевые были «хитом сезона»: палеонтологи использовали когтистых вегетарианцев как перспективную модель для реконструкции древней фауны с недоустоявшимися признаками. Их телесное строение (высоко поднятую переднюю часть, когтекопыта) часто проецировали на мезонихид и даже некоторых креодонтов, считая их более тесными родственниками, чем принято полагать теперь. Определенный резон в таком моделировании был, но халикотериевая внешность — это, так сказать, «костюм». Натягивать его в любом случае придется на хищника. На какого же именно?

Халикотерий. Применительно к гишу он мог послужить разве что «обобщенной моделью»

Похоже, не миновать нам погружения во времена эндрюсарха: ни много ни мало, где-то на половину той дистанции, которую Хронос проложил между нами и динозаврами. Неужели без этого никак не обойтись?

Позвольте: а зачем нам обходиться, если Ефремов сам ее совершенно недвусмысленно обозначил! Где? А всего несколькими страницами раньше:

«Дремучие леса опоясывают эти горы, в лесах обитают дикие люди и таинственные звери редкой древней породы, описать которых невозможно <...> один раз видели там животное не меньше слона, только более тяжелое, с двумя рогами, расположенными рядом на конце морды».

Цитата, как видите, неполная: изъятый фрагмент предъявим чуть позже, чтобы интересней было. Но тот таинственный зверь, которого рассказчики (племя «повелителей слонов») описать все-таки решились, — арсинотерий собственной персоной. А ведь он эндрюсарху скорее даже не ровесник, но старший современник!

Впрочем, этот зверь подрос (палеонтологический исходник был ощутимо меньше слона) и освоил новую экологическую нишу (раз уж он водится в лесистом нагорье Килиманджаро: предки-то вели «бегемотий» образ жизни). Ефремову ли этого не знать!

Так что со спокойной совестью рассматриваем кандидатуру эндрюсарха. И столь же спокойно допускаем, что гишу на самом деле является не им самим, но его потомком.

Эндрюсарх. «Царственный зверь», названный в честь первооткрывателя, Роя Чапмена Эндрюса. Примечательная кандидатура. Хотя бы потому, что вне зависимости от «Ойкумены» его и Ефремова связывает крайне таинственная история, имеющая отношение к палеонтологической практике.

Официально считается, что «царственный зверь» известен науке только по черепу, найденному в 1923 году: кроме него с тех пор обнаружены лишь разрозненные обломки зубов. Но шесть десятилетий спустя вышла научно-популярная книга «По следам минувшего», в которой утверждается, что одна из экспедиций под руководством Ефремова (!!!) обнаружила его полную нижнюю челюсть. Тем не менее в собственноручных научных публикациях о ней — ни звука, ни в одном из музеев ее тоже не видели. Отмахнуться от этого сообщения — мол, чего только не наплетут популяризаторы? Но ведь «По следам минувшего» писали не нынешние знатоки-разбойники, чье образование сводится к полугодовым бизнес-курсам с теософским уклоном, а В. и И. Яковлевы — очень авторитетные палеонтологи. Научный

РАССЛЕДОВАНИЕ

редактор издания С.В. Мейен — тоже крупнейший специалист. И дата издания не свидетельствует о мистификации, такого тогда попросту в заводе не было.

Владимиру Николаевичу Яковлеву, увы, уже никакой вопрос не задашь (а ведь он был знаком с Ефремовым!), но у Ирины Михайловны Яковлевой при случае хорошо бы поинтересоваться. Пока же констатируем факт: все очень странно. Настолько, что впору задуматься о пересечении миров и реальностей.

Вернемся к нашим эндрюсархам. Не всяк, кто ест мясо, — хищник; с другой стороны, и не всякий хищник официально зачислен в отряд хищников, карнивор. «Царственный зверь» — представитель группы хищнокопытных, древнекопытных (настолько древне-, что оформленных копыт у них еще нет). Характеристика «более плотоядный, чем кабан, но менее плотоядный, чем медведь» верна для его родичей мезонихид, но вряд ли для него самого: у него-то рацион явно был похищнее, чем у бурого мишки. Между прочим, сейчас палеонтологи склоняются к тому, чтобы вывести эндрюсарха и его ближайших собратьев, триизодонтидов, прочь из таксона мезонихид, да и динокрокуту из семейства гиен норвят выставить.

(Попробовал бы кто из ученых сказать это эндрюсарху и динокрокуте в лицо, то есть в морду!)

Но все равно эндрюсарх остается совсем рядом с хищнокопытными, в родственной группе. Так что у него особая пластика и локомоция. Его далекие потомки в этом смысле тоже будут мало похожи на современных хищников. Если у них при этом останутся «копытообразные» когти, хорошо пригодные для преследования, а также для сшибающего удара (гишу ведь не только ломает кости молодым слонам, но и, осев на задние лапы, боковыми движениями передних вдруг «косит» подскокивших к нему копейщиков) — то вот вам и «ужас ночей, пожиратель толстокожих»!

Во всем, что касается манеры атаки, мозга, органов чувств и даже телесных особенностей, столь древние звери могут напоминать скорее землеройку (пускай и очень большую!), чем волка,

льва, медведя или гиену. Хищник, точнее, пожиратель, землеройка просто чудовищный — но умом ее примату не понять, копьём тем паче не измерить. Только обладатель совсем уж древнего мозга может кинуться на трех вооруженных людей (ничем ему не мешавших, наоборот, стремившихся убраться прочь), когда вокруг грудками валяются мертвые и умирающие слоны. Любой другой «пожиратель толстокожих» в первую, да и в последнюю очередь занялся бы ими; а вот инстинкт примитивного зверя вполне способен бросить его в атаку на то, что просто «попало в фокус». Исключительно на рефлексах.

Примерно так же в сходных обстоятельствах может повести себя и сумчатый хищник: аналогичный синдром простого мозга. И еще одно сходство: в «стратегии» такой хищник не силен, но вот в «тактике» непосредственной схватки может проявить ужасающую мощь, свирепость и живучесть. Тасманский дьявол, размером примерно с сурка, без труда загрызает овцу и в силах отбиться от крупной собаки. Сумчатый волк, биологам знакомый, к сожалению, в основном по описаниям, был ростом с овчарку — и отбивался от целой своры, а в схватке с одиночной собакой приканчивал ее первым же движением челюстей, насквозь прокусывая кости черепа, как лист картона. И это при том, что сумчатый хищник, будь он хоть саблезубым (эволюция таких создавала), в общем-то не может атаковать как тигр или плотоядный медведь, даже если клыки и когти позволяют: не таковы у него мозг и координация движений. В лучшем случае как барсук: набезжать или выпрыгнуть, вгрызться, вкогтиться, если есть чем, — и держать мертвой хваткой, пока добыча или враг не подохнет.

Да нет же, мы не собираемся объявлять гишу сумчатым. Просто это одна из моделей «древнего зверя», повадок которого человек не понимает, логику действий просчитать не может — а вот атаку его, пускай и «барсучью» (гишу именно так попер на выставленные копы), выдержать очень сложно, даже объединившись с себе подобными...

Печать древности ложится не только на поведение. В сериале «Прогулки с чудовищами» (из которого современные потребители в основном и черпают палеонтологические знания) эндриусарх скроен по лекалам современного хищника. Однако, скорее всего, он был куда более неуклюж, вряд ли мог стоять

* Кстати о «Властелине колец»: один из родичей эндриусарха, открытый уже в 1980 году, получил название «анкалагон» — в честь крупнейшего и свирепейшего дракона из мира, описанного Толкином.

на собранных кончиках пальцев как бы «волчьей лапой», да и насчет органов чувств остаются вопросы. Глазки на самом деле были махонькие, а вот носовые полости огромные — так что действительно напрашивается аналогия с землеройкой фантастических габаритов. И в холке он не был так высок, как представлялось Эндриусу: первооткрыватель своему «царственному зверю» придал волчье телосложение, а на самом деле тот пропорциями, пожалуй, напоминал скорее бассета. Во времена Ефремова это уже осознали. То есть от эндриусарха ни тогда, ни сейчас не было найдено соответствующих косточек, но его крупные коллеги по таксону скорее приземисты*, а длиннорылый профиль составляет у них четверть, если не треть общего метража.

Так что не получается самый крупный хищник, хотя в свои миллионлетия он равных действительно не имел. И самый страшный не получается: тот же агриотерий или арктодус, высокооконченные машины убийства, в схватке порвут старину эндриу, как ягуар сенбернара. Но, признаем, современным медведям или львам такая победа не светит. А герои Ефремова сравнивали боеспособность гишу именно с ними.

Хищник, охотящийся на очень крупную добычу, может стать отчасти падальщиком — ведь эту добычу ему придется есть несколько дней подряд, даже если он загрыз ее собственноручно. К тому же «старшим» в своей экологической нише хищникам вообще пристала клептопаразитическая роль «отнимателя добычи», вторичного пожирателя (о таком поведении медведя см. «Химию и жизнь, 2016, 3). Особенно если мелкие конкуренты не имеют возможности утащить добычу на дерево, как леопард от льва, — а во времена эндриусарха столь умелых древолазов, похоже, еще не было. Тут и длинномордое нюхало оказывается к месту: отыскать пункт забоя дичи проще по запаху, чем зрительно, а уж как прибудешь к точке randevu, хорошее зрение для схватки с забойщиком необязательно — ведь вот он, рядом. Активному же охотнику все-таки нужно не только обоняние, но и зрение.

Однако о гишу мы как раз знаем, что у него огромные глаза ночного охотника, а про удлиненную морду, наоборот, ничего не сказано: чтобы идти по следу ефремовских героев, особо острого обоняния не требовалось. И телосложение гишу уж точно не бассетовское.

Конечно, за время пути зверюшка могла подрасти: долгие миллионлетия на своих четверых — тут кто угодно изменится. Но если уж гишу настолько иной, то резон ли вообще отстаивать родство с эндриусархом? Напомним: тот

для Ефремова был креодонтом. А ведь среди креодонтов есть и более подходящие существа! Мегистотерия как самого подходящего, но неизвестного Ивану Антоновичу, с большим сожалением исключаем — однако есть и почти равноценная фигура. Из тех самых краев, в которых проходили ефремовские экспедиции. Из современников эндриусарха. Из числа «младших хищников» при нем — но только при нем.

Саркастодон. Внешностью он как раз напоминал гишу. Пропорциями, скорее всего, тоже. Манера охоты у него предположительно была средней между той, что демонстрируют гиены и россомахи, — то есть опять-таки подходит. С некоторой натяжкой можно даже допустить «давяще-дробящие» когти: соответствующие части конечностей саркастодона ученым на глаза не попались, но когтит жертву по-медвежьи или по-тигриному у креодонтов в любом случае не было принято.

Вот мы очередной раз дошли до креодонтов. А ведь так старались держаться от них подальше... Все: теперь эти милые зверюшки нас не отпустят. Креодонт вообще никого и никогда не отпускает. Такой уж это эволюционный проект.

Когда эволюция млекопитающих дошла до создания не просто плотоядов, а именно «правильных» хищников, на эту роль начали претендовать сразу две группы, карниворы и креодонтовые. Причем последние включились в гонку, кажется, чуть позже — но вскоре начали обгонять. В результате чего первые, проигрывая соревнование, отошли было на второй план... где сумели развить мозг, пасть и тело по наиболее универсальной схеме. А затем породить на ее основе целую рошу специализированных форм, каждая из которых в своей нише превосходила креодонтов во всем, кроме драки.

В драке с соперником-хищником или в схватке с добычей креодонтам действительно равных не было. Дело в том, что они пошли по пути «сверххищности». Это, кажется, их и погубило: «ходячие пасти» — ни мозг развивать, ни социальность наращивать (что ведет к возможности действий стаей), ни совершенствовать методы индивидуальной охоты (в том числе за счет телесного прогресса, создавшего у «наших» хищников версии тигра, волка, куницы, енота, выдры, — и так далее, вплоть до ухода в тюлени). Только жрать, жрать, ЖРАТЬ! Исключительно мясо как таковое: у них в принципе не рассматривался вариант рациона большей панды или даже обычного медведя, пускай с преимущественным уклоном к хищничеству. В результате такого со-

5
С современными реконструкциями гиенодонов Ефремов, разумеется, не мог быть знаком, но вот это изображение (автор — знаменитый палеоиллюстратор Генрих Хардер, 1858—1935) он наверняка видел. Более-менее похоже на гишу...

блюдения чистоты хищнической идеи у них и не выработались те эволюционные предпосылки, которые позволяют собакам и кошкам включать в рацион существенные количества каши.

А внешнее сходство гишу с гиеной — это, возможно, реверанс в сторону гиенодонов: самой продвинутой группы креодонтов. С саркастодоном они, правда, не в близком родстве, но все равно коллеги по креодонтовому образу жизни.

Лишь поздние гиенодоны начали адаптироваться к охоте в сравнительно разреженной лесосаванне, то есть там, где мы видим гишу: вообще-то креодонты были засадными хищниками, склонными не к выносливому преследованию, а к короткому стремительному рывку (из зарослей, а возможно — даже из воды: у некоторых из них «выдровое» телосложение при совсем не рыбацких зубах). Но даже тут они пошли своим путем. У гиенодона взгляд хищника вдруг сменился боковым, периферийным зрением: условно говоря, глаза лошади или овцы, — и жуткий оскал «крокодильей» пасти. Похоже, гиенодон, догоняя жертву, не прыгал на нее, как лев (для этого как раз надо удерживать фронтальный фокус; но креодонты так и не обзавелись «охотничьими лапами», они делали ставку на пасть, причем иначе, чем волки или гиены), а какое-то время неслись рядом, бок о бок, после чего вцеплялся в добычу боковым, как взгляд, движением морды.

Пожалуй, это тоже способно добавить «инопланетности» для *Homo sapiens*,

совместись он с креодонтом во времени. Ведь это прямо-таки «волк в овечьей шкуре»!

Справедливости ради скажем: уже в послеэфремовские десятилетия у некоторых гиенодонов удалось обнаружить не только черепа, но и окаменевшие слепки мозга — и ученые с изумлением обнаружили, что он оказался гораздо более сложным и развитым, чем предполагалось раньше. Помимо прочего, там хорошо выражены участки, ведающие любопытством, исследовательской деятельностью... а также те, которые ответственны за обучаемость, за контакты, — так что, возможно, не все поздние креодонты были одиночными хищниками. Оно и логично: среди них хватало очень крупных существ, да и гиперхищническая пасть требовала долгого формирования, тут одной фазой смены зубов с молочных на постоянные не отделаешься... Значит, у гиенодонов, мегистотериев и пр. период роста и созревания был долгим, занимал несколько лет. А все это время несовершеннолетним монстрам надо где-то и как-то существовать, так отчего бы не в стае или не в стаеобразной семье вроде львиного прайда?

И все-таки сегодняшние хищники представляют собой более «общепотребительный» проект, лишенный эволюционного экстремизма. Логику их охотничьего поведения человек вполне способен понять. В конечном счете хищникам это на пользу не пошло: известно, кто сейчас «старший вид» на планете — и это точно не белый медведь и не амурский тигр. Самых могучих карнивор мы потеснили, иных даже уничтожили, кое-кого приручили... А кое-кто в отместку приручил нас: планетой, как известно, правят кошки. Что ж, лучше они, чем гишу.

РАССЛЕДОВАНИЕ

Значит, с эндрюсархом мы распрощались окончательно? Как сказать... Возможно, он нечувствительно появился в том самом «затерянном мире», где, по словам разведчиков из племени повелителей слонов, обитают «таинственные звери редкой древней породы, описать которых невозможно». Помните, цитата была неполной? А вот и изъятый фрагмент:

«Повелители слонов видели ущелья, заваленные огромными костями вперемешку с останками людей и обломками их каменного оружия. Дикие кабаны, ростом с носорога, иногда попадались в зарослях вблизи северной белой горы...»

«Северная белая гора» — это Килиманджаро. А вот кабаны ростом с носорога... Положим, имеются в палеонтологической летописи и другие кандидаты, но эндрюсарх тоже годится. Да и внешность у него под стать рациону: хищнокабанья.

Между прочим, в тех краях можно встретить и настоящих гишу. Это не название зверя, но самоназвание небольшого народа, носителя очень необычных этнографических и антропологических комплексов. В пору молодости Ефремова многие ученые считали гишу едва ли не древнейшими из африканцев. Потом, правда, выяснилось, что это потомки разноплеменных групп, лишь в XIX веке бежавших в горы от нашествия масаев. Но Ефремов этого уже не узнал — и использовал название племени своеобразно, хотя действительно сохранив при этом указания на древность и необычность.

Так что не будем прощаться с гишу. Рано. Вот он затаился в темноте, сверкает огромными глазами, скалит страшные зубы, способные разом перегрызть ногу слона... Идет по следу. По вашему следу.

Слышите? Клик, клик, клик! — это с тупым лязгом стучат о землю его громадные кривые когти...

Плечо друга слева, плечо друга справа. Остро ли ваше копые, читатель?

